

30.01.93

59

О ВРЕМЕНА! О НРАВЫ!

Культура. - 1993 - 30 янв. - С. 2.

Что позволено?

Начну в манере незабвенной чеховской «Жалобной книги»: будучи в Америке, захотелось пива. Проблема, конечно, не велика. Впрочем, дело происходило не в Нью-Йорке и не в Чикаго, а в тихом провинциальном Дулуте, в районе особняков, стоящих среди дубов и кленов как бы Сокольнического парка. Дочь нашего хозяина, поместив гостей в семейный «меркурий», села за руль и повезла в ближайший «буттл-шоп», «бутылочную» на скрещении автомобильных трасс — «хай-веев».

Закупили две дюжины расхожего американского «бад-вайзера», погрузились в машину, и в нетерпении принялись дергать гранатные кольца запотевших банок. Вот тут лицо нашей очаровательной Бритты посуровело, «Ноу», — сказала она непреклонно и сделала запретительный жест.

— Как «ноу»? Отчего «ноу»? — всполошились мы. Бритта полистала толстенный англо-русский словарь, удовлетворенно нашла нужное понятие и с достоинством изрекла исчерпывающее объяснение: — Закон!

Мы поняли, что речь идет об административной регламентации, запрещающей употреблять алкогольные напитки на улице, а равно и в салоне мчащегося по шоссе автомобиля.

В известном смысле этот беглый эпизод может считаться самым сильным моим заокеанским впечатлением. А вспоминаю я его всякий раз, когда слышу раздраженные lamentации — вот она ваша демократия, беспорядок, бардак, беспредел!

Нет, господа, хорошие, то, что зрим — это не демократия. Демократия — это когда самый умозрительный закон исполняется беспрекословно и естественно, по внутреннему убеждению, притом, что ближайшего представителя власти не сыщешь в окружности пяти миль.

Как-то исподволь сложилось злое и обидное мнение, что именно неумелое наше народовластие, расхристанная наша свобода отменили в России порядок, то есть закон. Между тем закона-то в нашей прежней жизни, как раз и не было. Была лишь система ограничений, полугласно, а то и вовсе не гласно установленных идеологий.

Вспомните, вы могли быть каким угодно праведным гражданином, безотказным работником и примерным семьянином, и все равно идеология предчувствовала в вас внутреннего эмигранта, ограничивала вас в вашем самоосуществлении, если, скажем, подозревала вас в излишних разговорах или в чтении даже не запретных, а просто нереккомендованных книг. Не законопослушания от нас требовали, а политической лояльности. (Доказав эту самую лояльность, закон-то как раз незачем было нарушить, получить квартиру вне очереди, кого-нибудь кое-куда устроить вне всяких вакансий и конкурсов, за что-то не заплатить, что-то перепродать). Не пре-

следования по закону опасались мы больше всего, но дурной характеристики (или не выдачи характеристики) за подписание пресловутого треугольника, попадания в черные списки, волчьего билета, проще говоря.

Обидно сознать, но именно эти идейные ежовые рукавицы, а отнюдь не свод законов и держали нашу стихийную вольницу в каких-никаких рамках. Впрочем, что значит в каких-никаких, очень даже в каких, в таких жестких и произвольных, какими юридические рамки никогда не бывают. Закон-то можно опспорить, можно тонко интерпретировать и толковать, «мнение» бюро райкома, а уж тем более обкома или политбюро интерпретации и трактовке не поддавалось. Теперь о нем вспоминаем с мстительным торжествующим смехом. Смех, однако, сейчас стихает, как только подумаешь о том, что произвол партийной элиты сменился вовсе не торжеством закона. Он сменился произволом своеволия, эгоизма, алчности, пошлейшего попустительства и разгильдяйства. Когда-то российское общество религиозными заповедями держалось не в пример прочнее, нежели «Уложением о наказаниях». И недаром восклицал нам трагический гений: «Коли бога нет, значит, все позволено!» Ныне не сопоставимый по таланту трагик имеет все основания за-

ломить руки: Если партии нет (в том смысле, что она больше не наш рулевой), то все позволено!

Приходится признать, что пока именно так дела и обстоят. От идеологических шор, от доктринальных проповедей освободились, но никакими добровольно принятыми обязательствами, осознанными правилами и приличиями обзавестись не удосужились. Номенклатурных иерархов скинули, но иерархию культурных ценностей узяжать и соблюдать не желаем. Обучились шеставиям, маршам, крикам «долой», публичным истерикам, раздиранию рубахи на груди прямо в объектив телекамеры, сдерживать страсти, обуздывать свое хотение, укрощать аппетиты, то есть следовать закону нам все как-то не с руки. В любом юридическом параграфе нам чудится прежний диктат, в каждом административном постановлении мнится начальственный окрик.

Между тем справедливо заметил современный классик: «Когда стало можно, становится ясно и то, чего нельзя».

В этом, если хотите, и заключен пафос демократии. Нельзя безгранично и беспредельно хапать. Нельзя раздражать постоянно национальное самолюбие, раздувать гордыню, разжигать тщеславие. Нельзя бесконечно расшатывать народную мораль, изгаляясь

в похабстве и кощунстве. Нельзя заменять официальные силы порядка всякими парамилициями, квази-охраной, псевдобезопасностью, партийными отрядами, формированиями сторонников одного музыкального стиля...

Пора учиться благородному самоограничению. Добровольному сокращению притязаний, сужению амбиций. Иначе рано или поздно нас так ограничат, так сократят и сузят, что недавние номенклатурные рамки всплывут в сознании как царство свободы.

Начав с заграничных впечатлений, ими и кончу. Тридцать лет назад в составе молодежной группы приехал во Францию. К турпоездке нас готовили, как к дерзкой вылазке в логово врага. Уже в Париже консульский чиновник страдал нас ужасами и пороками этого нового Вавилона, предвещал инсинуации и провокации со стороны французских властей. Но потом, будто выпав на мгновенное из состояния гипнотической бдительности, споконно произнес:

— А вообще учтите, полицейский в этой стране — это ваш друг, товарищ и брат.

В чем впоследствии я имел случай удостовериться.

Из этой похвалы конкретно воплощению закона и закончиваю свои демократические заметки.

Ан. МАКАРОВ.

Мансаров А.